сийском сознании — это категория, основанная на традициях, вере, отношениях между людьми. Истину русские понимают как обезличенную констатацию соответствия между словом и делом. Поэтому истина и справедливость в русском сознании могут быть противоположны. Русский всегда предпочитает справедливость, а не истину, даже если придётся использовать ложь. Вот она — ложь во спасение, о которой говорит герой пьесы М.Горького. Американцы воспринимают только понятие «истина», для них это точный синоним правды. Однако каждый русский знает, что у каждого может быть «своя правда». Это решительно непонятно студентам-стажёрам в начале обучения. В качестве материала для анализа студентам предлагается сцена беседы Луки и Пепла.

«Пепел. Старик! Зачем ты всё врёшь?.. Там у тебя хорошо, здесь хорошо. Ведь врёшь! На что?

Лука. А ты мне поверь... Спасибо скажешь. И... чего тебе правда больно нужна?.. Она, правда-то, может, обух для тебя...»

О разных «правдах» в сознании русских говорит сцена, в которой участвуют Лука и Настя.

«Настя. Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! Коли они не верят... коли смеются...

Лука. Я — верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит — была она! Была!..

Лука. Вот ты говоришь — правда... Не всегда правдой душу вылечишь».

Платон Каратаев у Толстого на первый взгляд тоже изъясняется абсолютно непонятным иностранцу образом: «часто он говорил совершенно противоположное тому, что он говорил прежде, но и то и другое было справедливо». Справедливо — то есть правильно, делают вывод студенты. Иначе говоря, «правильно» по-русски имеет субъективное толкование, а значит, «у каждого своя правда».

Эксперимент, проведённый в российском суде, показал, что абсолютное большинство свидетелей согласилось дать в суде ложные показания ради спасения невиновного, которого обвиняли в преступлении, совершённом другим. Ф.М.Достоевский писал, что, когда русский человек вынужден выбирать между истиной и справедливостью, он скорее предпочтёт ложь, чем несправедливость [4]. Платон Каратаев в «Войне и мире» вторит Достоевскому: «Где суд, там и неправда».

Итогом работы иностранных студентов становится написание сочинения на тему «"Нравственная" ложь: "за" и "против"».

Таким образом, изучение русской классической литературы является не просто средством обучения иностранцев русскому языку, а необходимым компонентом всей важной работы, направленной на формирование положительного образа русского человека, вовсе не ужасного, имеющего свои, внутренние причины поступать именно так, а не иначе. Русская литература становится тем щитом, который охраняет всё, что дорого русской душе, помогает иностранцу, обученному проецировать поступки персонажей классических произведений на поведение современных русских, смягчить действие культурного шока и начать уважать русскую культуру за самобытность и духовность.

И последнее. Современные российские школьники почти так же далеки от того языка, которым написаны произведения Толстого, Достоевского, Горького, как и американцы. Возможно, и поэтому тоже возникает проблема отсутствия интереса к чтению. Очевидно, стоит пересмотреть сами принципы работы с русской классикой на уроках в школе. Возможно, как и при обучении иностранцев, следует анализировать лексику и грамматику, а уже потом переходить к пониманию содержания?

ЛИТЕРАТУРА

1. ЖЕЛЬВИС В.И. Эти странные русские. — М.: Эгмонт Россия Лтд., 2002.
2. ЗНАКОВ В.В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // Этническая психология и общество. — М., 1997.
3. КАСЬЯНОВА К. О русском национальном характере. — М., 1994.
4. ЛЕБЕДЕВА Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. — М.: Ключ-С, 1999.
5. РОДОНОВА С.Ю. Русская культура: адаптационный курс для иностранцев, изучающих русский язык: Учебно-методическое пособие. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2012.

ЕРМОЛИН Евгений Анатольевич —
заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, доктор педагогических наук, профессор, член Литературной академии Национальной премии «Большая книга»
literosh@mail.ru

«ЛИТЕРАТУРА В КРИЗИСЕ»: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И АКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Аннотация. *В аспекте творческого самоосознания и самоопределения современного писателя, прозаика, сложилось несколько тенденций литературного процесса, которые можно интерпретировать в формате вызова прозаику и его ответа на этот вызов. Первая кризисная тенденция — кризис большой формы. Вторая тенденция — усталость литературы вымысла. Третья тенденция — это кризис лирического высказывания. Четвёртая тенденция связана с прогрессирующим ослаблением чувства реальности.*
Ключевые слова: *кризис большой повествовательной формы, усталость литературы вымысла, кризис лирического высказывания, ослабление чувства реальности.*

Abstract. *In the aspect of creative self-realization and self-determination of the modern writer, the prose writer emerged several trends of the literary process, which can be interpreted in the format of the challenge to the writer - and his answer to this challenge. The first crisis is the crisis of the large form. The second trend is the fatigue literature fiction. The third trend is the crisis of lyrical statements. The fourth trend is related to a progressive weakening of the sense of reality.*
Keywords: *the great crisis of narrative form, the fatigue of the literature of fiction, the crisis of lyrical statements, the weakening of the sense of reality.*

В рассуждениях о современной литературе довольно регулярно возникает тема кризиса. Вероятно, нет дыма без огня; литература находится в нестабильном, разбалансированном состоянии: мало или вовсе нет устойчивых векторов её развития, крайне трудно говорить о литературном процессе, сложно решается вопрос об иерархии имён и ценностей и т. д.

Впрочем, есть мнение, что кризис — отнюдь не только в литературе — стал перманентной ситуацией постмодерна, он и есть та среда, в которой сегодня приходится жить. Это вызов эпохи, на который мы постоянно ищем ответ.

Рассмотрим проблему в аспекте творческого самоосознания и самоопределения современного писателя, прозаика. Сугубо внешние мотивы и поводы для описания литературной жизни в кризисном ракурсе, связанные с противоречивыми запросами общества, политикой властей и т. п., оставим за рамками анализа.

Сложилось несколько важных, на мой взгляд, тенденций литературного процесса,

которые можно интерпретировать в тойнбианском* формате вызова прозаику и его на этот вызов ответа.

Первая кризисная тенденция — кризис большой повествовательной формы. Объёмный, большеформатный текст нечасто несёт сегодня оправдывающее его размеры значительное содержание, большую идею, нечасто открывает большого, значительного и интересного героя. Этот кризис имеет серьёзную подоплёку. Мне кажется, сегодня роман часто уже не в меру человеку. Он непомерно велик, как допотопное, архаическое чудовище. «Стозевно и лаяй»: слишком объёмен, громоздок, замысловат. И не потому, что измельчал человек как потенциальный герой прозы, хотя и это тоже случается: для социально-бытовой разновидности романа невысокое достоинство персонажа не было проблемой. А потому что в принципе мир и человек не держат сегодня романного замаха. Они качественно отличны, не совпадают с романом по сути. У современности нет «больших тем», предназначенных для глобальных аудиторий, они остались в XX веке и лишь изредка дают о себе знать сегодня. Нет или почти нет и героя, представляющего такую тему, для которой нужен панорамный или биографический роман. Иссякли универсализм и типичность как социальная и культурная норма. Не только целостный образ бытия, но и его фрагменты или аспекты — под большим вопросом. Человек — протей, ризома, спонтанное нечто, к тому же на треть виртуальное. Все люди друг другу лишние; социальная коммуникация — вероятность, а не неизбежность. Культура — тотальный флешмоб: не мироздание, а миротечь; процесс, а не структура. Жидкий, текучий мир.

Этот кризис преодолевается по-разному.

Во-первых, производится циклизация относительно небольших повествовательных форм (рассказов, миниатюр) вокруг темы, проблемы, некоего генерального сюжета и проч. Таковы, например, книги «Зона затопления» Романа Сенчина, «Девять девяностых» Анны Матвеевой и др. Огромная по размерам «Свечка» Валерия Залотухи — это, по сути, три романа в одном, связанные прежде всего магистральным сюжетом (путь человека к вере, к Богу).

Во-вторых, ещё чаще, писатель отступает в прошлое, в историю, где всё более-менее утряслось и уложилось, а потому смыслы легче складываются в связную историю (или имитируют её). Из актуального это «Зимняя дорога» Леонида Юзефовича, обширные повествования Дины Рубиной «Русская канарейка», Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов», два «возвращения» — «Возвращение в Египет» Владимира Шарова и «Возвращение в Панджруд» Андрея Волоса, проза Евгения Водолазкина, удачный дебют Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза», «Соколиный рубеж» Сергея Самсонова и др.

В-третьих, проза движется в сторону вымышленного дневника, придуманных эпистолярий, репортажа (и ретрорепортажа), путевого и портретного очерка, трактата или их комбинации. Так, переписку инкорпорируют «Письмовник» Михаила Шишкина, «Возвращение в Египет» Владимира Шарова, «Даниил Штайн, переводчик» Людмилы Улицкой и др. Вышедший в конце 2015 года десятитомник Вячеслава Пьецуха показал, что Пьецух, при всём его кажущемся консерватизме, вписан в актуальный тренд: он, по сути, пишет письма; такова природа его зрелой прозы. Можно вспомнить, для примера, и причудливый микс Олега Ермакова «Вокруг света».

Под названием «роман» мы имеем в наше время, по сути, что угодно, лишь бы это «что угодно» достигло большого объёма за счёт привлечения специфических средств дневникового повествования (пространный репортаж о себе), путевых заметок, переписки или иной «документации», квазифилософских рассуждений и т. д. Но трудно развернуть в такой объём казус, парадокс, случай, гипотезу. Можно, конечно, радоваться и удачному инерционному торможению, когда актуальный автор вдруг умудряется вписать в условности традиционного жанра существенные черты современной реальности. Впрочем, это часто означает, что сама эта реальность в каких-то своих сегментах и векторах отстойно-рутинна, иногда болезненно рутинна, — там и пасётся литератор-ретроград, литератор-традиционалист, который всё же берётся за «современную тему».

Вторая тенденция — усталость литературы вымысла. Думаю, это результат того, что в современном мире типичное как предмет литературы утрачивает важность: жизнь состоит из нетипичного, типичное отодвинуто на периферию общественных процессов. А необычность в литературе не всегда оправданна.

Альтернатива второму кризису — разноформатный нон-фикшен. С этим трендом связано, например, присуждение Нобелевской премии русскоязычному прозаику Светлане Алексиевич. Нон-фикшен Алексиевич очень особый. В нём происходит разложение хоровой матрицы. Благодаря писателю-медиуму разбуженные люди из потёмок эпохи, из бездн, из-под руин выговаривают заветное. Это заветное чаще всего оказывается фиксацией неизжитой травмы, незалеченной раны. В этих стонах, плачах и жалобах проклёвывается личность, но часто так и не проклюнется...

Из ярких явлений отметим новую документальную прозу Натальи Громовой, прежде всего «архивный роман» «Ключ. Последняя Москва», а также уже упомянутую «Зимнюю дорогу» Леонида Юзефовича.

Вероятно, права критик Н.Иванова: «...по шкале "реальное — воображаемое" новый роман располагается между *fiction* и *non-fiction*, скорее всего, его можно отнести к *faction* — сплаву, соединению вымышленного с фактографически подтверждённым».

Фэнтези, гротеск, бурлеск, гиньоль — ещё одно, экстремальное, средство от вялости в пределах фикшена. В этот ряд можно вписать роман Александра Снегирёва «Вера», прозу молодого автора Серёжи Павловского, две книги которого — «Мутный пассажир» и «Вершина угла» — выпустило издательство «Геликон Плюс».

Можно говорить и о расцвете многовекторной публицистики — на фоне, который часто делает публицистическое высказывание странным опытом дегустации сгущающейся абсурдности жизни.

Третья тенденция — это кризис лирического высказывания. Он проявляется и в прозе, и в поэзии. В авторском высказывании слишком часто и много вялости, инерционности. Скромен масштаб лирического героя / автора. Если из душевного опыта вычесть профетизм и юродство, то останется, скорей всего, самодовлеющая инфантильность, что мы часто и имеем как данность. Об этом как об одной из двух основных характеристик кризиса писательского дела говорил писатель А.Курчаткин (вторая характеристика — неумение рассказать историю).

Ответ на третий кризис — десубъективизация письма. Авторские оценки, суждения, взгляд на мир выносятся за скобки. Право голоса предоставлено некоей самодовлеющей реальности. Такова Казань как большой и яркий город, как сложный социокультурный микс в прозе молодого казанца Булата Ханова. Город у него живёт как будто сам по себе, без участия автора, причудливой, фантасмагорической жизнью — и притом в очень узнаваемых декорациях.

По Н.Ивановой, работает и такой приём: «автор присутствует в тексте, выступая от первого лица, не совсем идентичного реальному авторскому, как бы "сдвинутой" авторской личности. <...> Автор, существующий в зоне реальности как реальное лицо, иногда даже под реальным именем и в реальном окружении, "затуманивает" своё изображение, уводя себя в сторону fiction (изображая и одновременно "изобретая" самого себя)». Критик находит этот приём у Андрея Рубанова (экзотический тюремный опыт), в прозе Олега Павлова («Карагандинские девятины», «Дневник больничного охранника»), в потомственно-филологическом опыте Андрея Аствацатурова («Люди в голом», «Скунскамера»).

Наконец, надо сказать и о четвёртой кризисной тенденции. Она связана с прогрессирующим ослаблением чувства реальности. Писатель часто не очень понимает, что в мире обладает надёжной реальной основой, где кончаются иллюзия, инсценировка, фейк. И не фейк ли он сам?..

Это лечится двояко.

Во-первых, избранием предмета особого рода. Таковым оказываются страдание и боль как непосредственные очевидности бытия. Иногда личные, иногда лишь опосредованно

*Арнольд Джозеф Тойнби (1889—1975) — британский историк, философ истории, культуролог и социолог, исследователь процессов глобализации, критик концепции европоцентризма. Наибольшую известность ему принёс 12-томный труд «Постижение истории». Автор многих работ, статей, выступлений, а также 67 книг, переведённых на многие языки мира.

связанные с авторским опытом. Вспомним тексты Алексиевич; но и недавние — «Черновик человека» Марии Рыбаковой, «Рад Разум» Евгения Кузнецова.

Иногда же альтернативой становится неосимволизм. Это не плакатный символизм начала XX века, который современному автору довольно чужд, а постнабоковский символизм намёка, веяния, игольного укола. Таков яркий, концентрированный текст на тему смерти и бессмертия «Конец иглы» Юрия Малецкого. Из недавнего стоит указать на последнюю прозу Александра Иличевского, повесть «Большой дом» Надежды Муравьёвой.

Многое из сказанного и из названного влечёт нас логикой свободных ассоциаций и литературных параллелей в блогосферу Инета. Там мы находим все те комбинации форм и смыслов, посредством которых перманентно выдвигаются и разрешаются проблемы большой формы, вымысла, личностного высказывания и даже порой проблема обретения смыслового фокуса в мире хаоса и неврастении. Возможно, приходит время новой литературы. Это литература-выскочка, парвеню, с жанрами-бастардами, литературмультур, сикось-накось, «то, не знаю что». И не то чтобы она никуда не годится, но при чём тут вообще, например, «роман» с эпическим замахом, «большая книга»? Два примера из многих в формате актуального блогинга: вдохновляющий дневниковый опыт выращивающей из житейщины, из бытового анекдота поэзию и притчу Диляры Тасбулатовой; дневник житейского странствия Андрея Ракина. Такое литературное произведение на новой для литературы площадке предстоит мыслить как своего рода иероглиф, предназначенный для уникальной коммуникации: авторский ответ на вызов нашей парадоксальной, пёстрой, нервной, суматошной и спонтанной эпохи, повод для непредсказуемого интерактива.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИВАНОВА Н. В сторону воображаемого non-fiction (Современный роман в поисках жанра) // Знамя. — 2016. — № 1. — http://magazines.russ.ru/znamia/2016/1/v-storonu-voobrazhaemogo-non-fiction-sovremennyj-roman-v-poiska.html
2. КУРЧАТКИН А. Литература и ценность жизни. — http://kurchatkinanato.livejournal.com/2326.html#comments
3. ШНЕЙДМИЛЛЕР К. и ШУМАКОВ С. Манифест. О кризисе современной литературы. — http://www.chelglobus.ru/literature/2006/manifesto.html
4. Кризис современной литературы. — http://www.proza.ru/2009/10/05/519
5. ФРУМКИН К. Три кризиса художественной литературы // Нева. — 2009. — № 4.
6. Fogelfrei. Кризис русской литературы. — http://rotte-volf.livejournal.com/36808.html

БУКАРЕВА Наталия Юрьевна —
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского»; педагог дополнительного образования городской программы для старшеклассников «Открытие»
bukarevanu@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ИНТЕРЕСА СТАРШЕКЛАССНИКОВ К КЛАССИКЕ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме актуализации в сознании старшеклассников проблем, поднимаемых классической литературой. Автором обосновывается целесообразность изучения произведений, созданных на рубеже XX–XXI веков, как заключительного этапа работы над текстами классическими, что способствует не только знакомству школьников с современными авторами, но и повышению интереса к произведениям XIX века.*

Ключевые слова: *современный литературный процесс, диалог классической и современной литературы.*

Abstract. *The article offers an analysis of the author's experience, obtained as a result of the long-term training of under-graduate students from Middlebury College (USA) in Russian as a foreign language. As a linguistic-cultural context, the works of Russian classical literature were used to replenish the vocabulary of students and to form a positive attitude toward the Russian spiritual and moral values.*

Keywords: *American students; categories of suffering, patience, humility; justice, truth, lies.*

Одна из сложностей, с которой сталкиваются сегодня учителя-словесники, — довольно скептическое отношение учеников подросткового возраста к проблемам, которые поднимает русская классическая литература, и к типам героев, которые для писателей XIX века были актуальными. Старшеклассники готовы признать, что классика поднимает нравственные проблемы, решает «проклятые» вопросы, но согласиться с тем, что они важны для современного человека, как правило, не хотят, а если и делают это, то во многом с целью не вызвать конфликт с учителем. Решение этой проблемы мы в собственной практике работы со школьниками пытаемся искать разными путями. Один из них — изучение современного литературного процесса. Наш опыт показывает, что подростки с удовольствием читают произведения писателей, поэтов, драматургов наших дней; их интерес поддерживается тем, что этих авторов школьники видят на телевизионном экране, они могут открыть их сайт в Интернете, обсудить их творчество в блогах (которые зачастую ведут сами авторы). Полагаем, что рассмотрение современной литературы должно быть обязательной составляющей школьного курса, хотя в полной мере осознаём, что для учителя старших классов на первом месте стоит задача изучения программных классических произведений, однако, наверное, гораздо важнее для педагога в данном случае добиться интереса к произведениям XIX века, чем просто пройти этот материал.

Именно с этой целью мы настаиваем на необходимости прочтения современных авторов не в конце 11 класса, как это предполагается большинством школьных программ (нельзя справедливости ради не отметить, что мало кто из педагогов успевает дойти до этого материала в выпускном классе), а в контексте изучения классического произведения, завершая или, реже, предваряя его рассмотрение. В этом случае у словесника появляется реальная возможность показать старшекласснику, что проблемы, которые были подняты писателями XIX века, не потеряли своей актуальности и сегодня, что русская литература во все времена сосредоточена на гуманистической концепции мира и человека. Отметим ещё и прагматическую цель данной работы, всегда важную для педагога, — возможность подготовки старшеклассников к ЕГЭ по литературе, два задания в котором связаны с написанием сопоставительных ответов на поставленный вопрос. Сравнение текстов разных эпох, которое обязательно будет при изучении произведений современного литературного процесса, может быть востребовано выпускниками при написании экзаменационной работы.

Приведём конкретные примеры. Так, рассматривая в X классе лирику Ф.И.Тютчева, можно один из фрагментов урока посвятить сопоставительному анализу его стихотворения «Умом Россию не понять...» с одноимённым произведением современного поэта-постмодерниста Тимура Кибирова (отметим, что его творчество рекомендовано к изучению в 11 классе в программе под ред. В.Я.Коровиной). Подобная работа вызывает сильный эмоциональный отклик у школьников и позволяет им более глубоко понять идею классического текста. Логично озвучить сразу оба стихотворения поэтов, предваряя чтение небольшим сообщением о Тимуре Кибирове.